

Отзыв

официального оппонента о диссертации Соловьяновой Евгении Викторовны «Агональность в академическом дискурсе» (Воронеж, 2021), представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка

В своем диссертационном исследовании Е.В. Соловьянова исследует специфику коммуникации в академической среде, определяя своей целью *«системное описание агональности как свойства письменного академического дискурса и механизма реализации риторических стратегий и тактик в агональной научной коммуникации»* (Дисс. С. 6). Из этой формулировки цели исследования ясно, что центральной категорией работы является категория агональности, характеризующая дискурс борьбы и соперничества. Взгляд на академический дискурс через призму агональности представляет интерес и заслуживает положительной оценки, поскольку он оставляет в стороне нормативные суждения об академической коммуникации и направлен на изучение её реальных свойств. Работа убедительно демонстрирует, что состязательность точек зрения и концепций присуща разным сферам науки и получает выражение в виде целого ряда агональных стратегий. Е.В. Соловьянова выделяет два типа агональности (кооперативную и некооперативную), а также предлагает классификацию стратегий в рамках данных типов, и это составляет **новизну исследования**.

Диссертационное исследование Е.В. Соловьяновой **актуально**, поскольку оно демонстрирует важность оценочных суждений в отстаивании научных убеждений и способствует отказу от сугубо нормативистских представлений об академической среде. Проведенное исследование свидетельствует о невозможности анализировать академический дискурс только лишь с точки зрения его нормативности, соответствия некоторому идеальному положению вещей, при котором академическая коммуникация рассматривается как феномен исключительно вежливого, неконфликтогенного, объективного, неэмоционального и свободного от оценки взаимодействия.

Полагаем, что вся работа в целом и в частности положения, выносимые на защиту, помимо лингвистических импликаций несут в себе также импликации социологического характера: анализ материала свидетельствует о существовании достаточно мощных традиций состязательности как в русскоязычной, так и в англоязычной академической среде. Такие наблюдения позволяют делать выводы и более широкого плана – о том, что академическая среда по природе своей саморегулируемая и обладает внутренними механизмами контроля качества нового знания. А значит, множественные бюрократические механизмы контроля науки не являются обязательными. Таким образом, диссертация имеет как **теоретическую значимость** (выявление лингвистических механизмов агональности), так и **практическую** – возможность опираться на материал и некоторые выводы работы для построения коммуникации с академическим сообществом и внутри него.

Структурно диссертационное исследование Е.В. Соловьяновой состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы, списка иллюстративного материала и трех приложений. Далее мы последовательно обратимся к главам диссертации, отмечая положительные и спорные стороны работы, и поставим ряд вопросов по ходу обсуждения.

В Главе 1 «Лингвистические исследования академического дискурса» Евгения Викторовна закладывает общеметодологические основы проводимого исследования, представляя базовые категории исследования, такие как научный стиль, академический дискурс, жанр академического дискурса, а также предлагает обзор работ современных отечественных и зарубежных исследователей, посвященных вопросам академической коммуникации. Центральным тезисом обобщаемой научной литературы является положение об институциональном характере академического дискурса, а также о существующем в рамках академического дискурса наборе жанров. С данными тезисами сложно не согласиться. Вопросы вызывает другой аспект. В параграфе 1.2 Евгения Викторовна подробно рассматривает разные типы дискурса, включая устный, письменный, гибридный, компьютерно-опосредованный, мысленный и даже жестовый. Очевидно, что из всех перечисленных типов дискурса только письменный имеет непосредственное отношение к диссертационному исследованию. С какой целью автор диссертации включает в работу достаточно обширные фрагменты с рассмотрением разных типов дискурса и какова ценность данных фрагментов, остается неясным. Возможно, докторант пояснит это в ходе защиты диссертации.

Также возражение вызывает манера докторанта соединять в одном предложении фрагменты суждений исследователей из разных работ при помощи подчинительной связи, что устанавливает несуществующие логические связи между фрагментами, взятыми из разных источников. (Дисс. С. 24: *Таким образом, в личностно-ориентированном дискурсе его участники раскрываются во всей полноте своего внутреннего мира; в статусно-ориентированном дискурсе коммуниканты раскрываются только как представители определенных социальных групп или общественных институтов [Карасик 2002: 232], «которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2002: 190-191].) Особенно странно и несоответствующе выглядят соединения в одной цитате фрагментов из работ разных авторов (Дисс. С. 32: *Жанры – это «исторически и культурно специфичные, общественно закрепившиеся ... способы решения коммуникативных проблем» [Günther 2001: 16], выступающие «средством формализации социального взаимодействия» [Дементьев 2010: 246].*) Кроме того, на С. 24 Дисс. докторант дает ссылку на Т.П. Попову, хотя начало параграфа отсылает нас к точке зрения В.И. Карасика.*

В целом при написании Главы 1 докторант демонстрирует теоретическую подкованность и знакомство с большим количеством литературы, умение систематизировать и обобщать достижения других исследователей.

Глава 2 «Агональность как свойство письменной академической коммуникации» и Глава 3 «Реализация риторических стратегий и тактик в агональной академической коммуникации» диссертационного исследования представляют результаты оригинального анализа, проведенного Е.В. Соловьяновой. (Сразу укажем на техническую недоработку – в оглавлении диссертации пропущено название Главы 3. После выводов по второй главе сразу идет пункт 3.1. Кроме того, перепутана нумерация параграфов внутри Главы 3. За пунктом 3.2.1 следует пункт 3.3.2, тогда как раздел 3.3 вообще отсутствует.)

Как достоинство работы отметим то, что диссертант вводит в научный оборот в качестве объекта анализа большой массив критических научных текстов (общим объемом 1700000 словоупотреблений). Принадлежность материала к разным сферам науки (языкознание, физика и философия), а также достаточно длительный период публикаций (с 1951 по 2019 гг.) говорят в пользу достоверности полученных результатов.

Обсуждая материал исследования, считаем, однако, необходимым заметить следующее. Е.В. Соловьянова заявляет об использовании русскоязычного и англоязычного материала. Это так и есть, но с одним нюансом. Значительную долю русскоязычного материала составляют переводы статей известных зарубежных лингвистов в журнале «Вопросы языкознания» (румынского лингвиста Александра Граура, югославского языковеда Радивоя Францискуса Микуша, француза Марселя Коэна, чешских лингвистов Франтишека Травничека и Богумила Трнка, польского лингвиста Здислава Штибера). Обращение к текстам статей в журнале подтверждает, что опубликованы именно переводы, то есть язык оригинала текстов – иной, чем русский. Даже при значительной степени переводческой эквивалентности в переводах неизбежны синтаксические трансформации и семантические перефразирования, изменяющие оригинальное строение текста. В связи с этим вопрос: насколько корректно исследовать речевые тактики, приемы и языковые средства по переводам?

Глава 2 в значительной степени ориентирована на создание теоретической рамки для практического анализа материала. Евгения Викторовна аргументировано обсуждает агональность как свойство коммуникации и виды агональности, останавливается подробно на предпосылках агональной коммуникации в научной сфере и рассматривает три вида оценок в условиях агональности: мелиоративную, пейоративную и смешанную. В связи с этим хотелось бы уточнить, в чем принципиальное различие между мелиоративной и положительной оценкой? Между пейоративной и отрицательной оценкой? Не являются ли категории мелиоративной и пейоративной оценок дублирующими существующие общепринятые категории положительной и отрицательной оценок? В чем целесообразность их применения?

В параграфе 2.3.1 диссертант объясняет методическую процедуру обработки материала, которая представляется достаточно последовательной и соответствующей задачам исследования. Выделенные в русскоязычных и

англоязычных академических текстах репрезентанты оценок на лексическом и синтаксическом уровне суммированы в четырех таблицах, наглядно и непротиворечиво представляющих полученные результаты. Если качественный анализ у нас не вызывает вопросов, то результаты количественного анализа требуют, на наш взгляд, пояснений. Таблица 6 (Дисс. С. 71) дает количественные выражения разных видов оценки. Из таблицы неясно, что являлось единицей измерения, подвергаемой подсчету: языковое средство? суждение, содержащее ту или иную оценку? текст статьи? Надеемся, что диссертант прокомментирует свою количественную методику в ходе ответов на вопросы.

В параграфе 2.4 (Дисс. С. 82-84) Евгения Викторовна обсуждает категоричность и некатегоричность изложения, однако в качестве иллюстраций приводит только два речевых примера, из которых неясен принцип функционирования категоричности и некатегоричности. В каких отношениях состоят категоричность и некатегоричность с типами оценки? Интенсифицируется только пейоративная оценка или мелиоративная тоже? Как распределены средства категоричности/ некатегоричности в рамках самопрезентаций и презентаций другого?

Центральными исследовательскими категориями **Главы 3** и собственно проводимого анализа являются категории стратегии, тактики, приема и языкового средства. Принимая за основу своего понимания стратегии определение А.П. Сквородникова (Дисс. С. 88), Е.В. Соловьянова выделяет две ключевые стратегии: стратегию самопрезентации и стратегию презентации другого. Данные стратегии достаточно общеприняты и широко используются как исследовательские инструменты в работах по политической и медийной коммуникации, где под самопрезентацией понимается положительно-оценочная презентация себя, а презентации другого традиционно присваивается отрицательно-оценочная аксиологическая нагрузка. В своей работе Евгения Викторовна усложняет данную картину за счет того, что наличие указанных стратегий приписывается и конфронтативной, и кооперативной агональности. При этом стратегия самопрезентации в конфронтативной агональности не идентична стратегии самопрезентации в кооперативной агональности и реализуется совершенно иным набором тактик. (Это видно из таблиц 8 и 11 в Дисс.). Также как и стратегия презентации другого в конфронтативной агональности не идентична стратегии презентации другого в кооперативной агональности и предполагает иной набор тактик (таблицы 9 и 12 в Дисс.). В связи с этим вопрос: насколько корректно применять одинаковое обозначение стратегий к различающимся по своей сути и содержанию речевым феноменам?

Продолжая тему применения исследовательских инструментов, сделаем некоторые комментарии относительно категории тактики. В ходе работы диссертант использует названия разных типов тактик: тактики реализации агональности (Дисс. С. 7.), тактики ведения коммуникации в условиях состязательности (Дисс. С. 7), грамматическая тактика (Дисс. С. 155),

интертекстуальные тактики (Дисс. С. 156), риторические тактики (Дисс. С. 159), тактика воздействия (Дисс. С. 162). В связи с этим хотелось бы понять:

- в каких отношениях между собой состоят обозначенные выше типы тактик?

- к каким из вышеперечисленных типов относятся конкретные тактики, выделенные в рамках стратегий самопрезентации и презентации другого?

Евгения Викторовна выстраивает свои суждения на основе значительного количества приводимых примеров, наглядно иллюстрирующих обсуждаемые речевые явления. Интерпретация примеров в основном осуществляется с должным вниманием к языковым средствам, лингвистическому и прагматическому контексту. В то же время относительно некоторых фрагментов материала предлагаются весьма спорные интерпретации. К примеру, на С. 158 диссертации читаем относительно высказывания «Фуй, Альёша!», что оно содержит пренебрежительный вариант имени собственного, а также глагол, ассоциирующийся у читателя с инвективной лексической единицей. Наверное, у кого-то «фуй» действительно вызывает непристойные ассоциации, но образованному читателю понятно, что это аллюзия и интертекст из «Театрального романа» М. Булгакова, имитация немецкого акцента. И конечно, лексическая единица «фуй» неверно отнесена к классу глаголов. Это междометье.

В другом случае диссидент пишет о создании в примерах иронии посредством высокой лексики (Дисс. С. 155). Однако, на наш взгляд, приведенный пример, содержащий большое количество милитарной лексики (*When attempting to intimidate humanist opponents, he is fond of rattling the saber of science. He is allied with the armies of Progress, and his foes are mushy poets* [Орг 1996]), представляет собой развернутую метафору войны, а не пример применения высокой лексики.

Возражения относительно интерпретации примеров, вероятно, свидетельствуют о более масштабной методологической проблеме лингвистической прагматики – большой доли субъективных интерпретаций, построенных на интроспекции исследователя. (К примеру, различие между тактикой смягчения негативной оценки и тактикой смягчения резкости критического замечания (Дисс. С.9) представляется нам весьма условным.)

Интересен параграф 3.5. «Смешанные виды агональности в научном тексте», в котором Евгения Викторовна убедительно демонстрирует, что речевая коммуникация, в том числе в академической среде, представляет собой сложный феномен, обусловленный как прагматическими установками конкретного автора, так и институциональными конвенциями, допускающими маневрирование и применение широко спектра языковых форм, реализующих агональные стратегии.

Положительной оценки заслуживают приложения, в которых диссидент предлагает постатейный анализ речевого материала. Такие приложения лишний раз свидетельствуют об оригинальном характере исследования.

Содержащиеся в отзыве критические замечания и заданные вопросы не снижают общей ценности диссертационного исследования, и их следует

рассматривать как приглашение к дальнейшему научному поиску и обсуждению. Выводы к главам исследования и заключение информативны и соответствуют поставленным во введении цели и задачам. Положения, выносимые на защиту, доказаны.

Автореферат и 8 публикаций автора, включая 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК, адекватно отражают содержание рассматриваемой работы.

Таким образом, диссертация «Агональность в академическом дискурсе» (Воронеж, 2021) представляет самостоятельную научно-квалификационную работу, удовлетворяет требованиям к кандидатским диссертациям, изложенным в п.п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. №842, а её автор Соловьянова Евгения Викторовна заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка.

Заведующий кафедрой «Английский язык»
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет»,
доктор филологических наук,
доцент

Дубровская Т. В.

Дубровская Татьяна Викторовна

Сведения об авторе отзыва:

Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук по специальности 10.02.19 – Теория языка, доцент

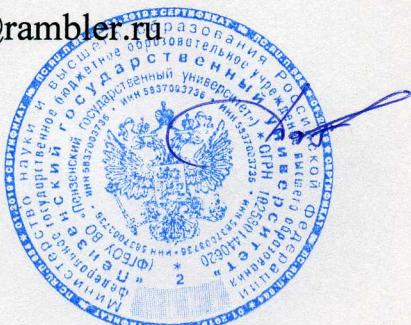
Контактные данные:

440026, г. Пенза, ул. Красная, 40, кафедра «Английский язык»

Тел. служ. 8-8412-208408

Email: dubrovskayatatiana@rambler.ru

Ученый секретарь

О.С. Дорофеева

10 декабря 2021 года